

Сакулин Павел Никитич

Из истории русского идеализма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Никитич С.**
Из истории русского идеализма / Сакулин Павел Никитич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 483 с.

ISBN 978-5-519-84445-1

ISBN 978-5-519-84445-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сантъ «*Филологическій опытъ*», гдѣ однако на сцену уже появляется алхимикъ ¹⁾).

Передъ нами три картинки, три жизни. Въ глубокую полночь сидитъ алхимикъ передъ раскаленнымъ устьемъ и старается «исхитить изъ дивнаго сосуда завѣтную тайну», чтобы заставить склониться передъ собою «рабу-природу», «и упиться торжествомъ человѣческой воли». Гордый «своею полновластною мыслию», труженикъ съ презрѣніемъ смотритъ «на міръ житейскій и его скудельныя наслажденія».

Въ то же время на террасѣ ближняго дома молодая чета упивается счастьемъ любви, забывая весь міръ и съ презрѣніемъ смотря «на строгое келейное дѣло труженика».

Но вотъ по опустѣлой улицѣ идетъ прохожій; онъ заходитъ то въ тотъ, то въ другой домъ; ему хочется приарѣть сироту, золотой лептою отклонить грозу отъ бѣдной семьи, подкрѣпить тѣлесныя силы больного и сердечнымъ словомъ ободрить безнадежнаго. Прохожій полонъ любви и благоволенія. Онъ взглянулъ и на келью алхимика, и на юныхъ счастливицевъ, — «всѣхъ благословилъ на радость и счастье и... продолжалъ путь свой».

Да живетъ и наслаждается все сущее! какъ бы говорить намъ прохожій, подобно Іоанну Дамаскину гр. А. К. Толстого.

Здѣсь чувствуется еще свѣжій идеалистическій оптимизмъ Любомудра. Личное счастье, любовь къ людямъ и исканіе истины—все это имѣетъ свой глубокій смыслъ.

Восторженный гимнъ любви слышится въ статьѣ, написанной Одоевскимъ по поводу итальянской оперы «*Петръ Пустынникъ*» ²⁾. Мусульманинъ Оросманъ и христіанская плѣнница

¹⁾ Черновой оригиналъ (карандашомъ) находится въ переплетѣ 20, л. 25—26, съ заглавіемъ „*Виньетка*“ (а равнѣ: „*Три жизни*“). Повидимому, это—первый набросокъ. Въ томъ же переплетѣ, л. 138—139, на почтовомъ листкѣ, имѣется копія съ заглавіемъ „*Виньетка*“, которое однако зачеркнуто рукою Одоевского и замѣнено заглавіемъ „*Филологическій опытъ*“ (карандашомъ); въ текстѣ есть также карандашныя исправленія Одоевского. Ibid., на л. 86, автографъ (карандашомъ) оказался пять выносокъ къ той же статьѣ. Наконецъ, въ переплетѣ № 1, л. 168—170, имѣемъ копію въ окончательной редакціи. Кюмы и пользуемся.

²⁾ Переплетъ 31, л. 202—214, автографъ. Подпись: „Съ Англійскаго—Гр.“. (Буквами „Гр.“ Одоевскій подписывалъ свои произведенія въ „Литер. Газетѣ“ Дельвига). Тоже въ копіи—въ переплетѣ 9. Еще отрывки: 1) въ переплетѣ 10, л. 19 и об., автографъ, + л. 20 об.—22, автографъ; 2) въ переплетѣ

Агія страстно полюбила другъ друга. Крестоносцы и во главѣ ихъ Петръ Пустынникъ возстаютъ противъ этой «грѣховной» любви, но молодые люди торжественно провозглашаютъ законъ любви, не знающей различія вѣры или національности. «Что мнѣ до моей родины?» говоритъ Агія Петру Пустыннику: «на что мнѣ свобода, которую онъ даровалъ мнѣ. Въ щастливые дни моего плѣна, когда Оросманъ приходилъ ко мнѣ, когда огонь его души сжигалъ мою душу,—я не спрашивала его, кто онъ, невѣрный или Христіанинъ, Египтянинъ или Рыцарь Храма, мы и не говорили объ этомъ—я лишь спрашивала: любить ли онъ меня?» ¹⁾. Въ свою очередь, Оросманъ, не признавая никакихъ судей между собою и Агіею, говорилъ Петру Пустыннику ²⁾: «На моемъ блестящемъ престолѣ я не имѣлъ друга, но лишь рабовъ. Я былъ *одинъ*, понимаешь ли весь ужасъ этого слова, но я узналъ Агію,—насъ Природа, Судьба и Провидѣніе создали другъ для друга, они влили въ насъ одни мысли, одни чувства». Авторъ весь на сторонѣ Оросмана и Агіи ³⁾.

48, л. 64, автографъ (карандашомъ). См. приложение.—Судьба „Петра Пустынника“ оказалась весьма пезадачливой. 18 дек. 1831 г. Ор. Сомовъ, съ которымъ Одоевскій сносился по дѣламъ „Литер. Газеты“, писалъ ему (бумаги 1869 г.): „Писемъ, взявшихся перебѣлать Петра Пустынника, не привезъ еще мнѣ его. Пушкинъ еще не возвратился: не знаю, что дѣлать. Во всякомъ случаѣ завтра поутру пошлю за манускриптомъ, и если онъ готовъ, доставлю его Вамъ“. „Литер. Газета“ еще въ іюлѣ 1831 г. прекратила свое существованіе; значить, „манускриптъ“ Одоевскаго предназначался для какого-то другого изданія, но напечатанъ не былъ. Въ концѣ 1833 г. Одоевскій писалъ Максиму-вичу: „Отыщите у Кирѣевскаго мою статью „Сцена изъ Петра Пустынника“ и пришлите мнѣ ее, ибо ее надобно переплавить; я вамъ обещаю ее отпрavitъ обратно на другой же день; сегодня 23-е, слѣдов., чрезъ 10 дней она можетъ у васъ уже печататься“ (Кіевская Старина, 1883 г., т. V. апр. Изъ писемъ къ М. А. Максимовичу. Сообщ. С. Пономаревъ. Стр. 845). Отсюда можно заключить, что отъ Ор. Сомова „Петръ Пустынникъ“ перешелъ въ руки Кирѣевскаго и, вѣроятно, предполагался къ напечатанію въ „Европейцѣ“. Послѣ закрытія своего журнала, Кирѣевскій, очевидно, часть матеріала передалъ Максимовичу для его „Дневницы“. Тамъ появился „Опалъ“; туда же предназначался и „Петръ Пустынникъ“.

¹⁾ Переплетъ 31, л. 207—208.

²⁾ Ibid., л. 208—209.

³⁾ Въ отрывкѣ переплета 48, л. 64, даже самая мысль крестовыхъ походовъ приписывается винушелію злого духа. „Петръ Пустынникъ, обманиваемый злымъ духомъ, который подъ видомъ свѣтлаго Ангела винушаетъ ему Крестовые походы“, сказано здѣсь.

Чтобы разными условностями сцены и недостатки игры не разрушали «очарованія», авторъ оторвалъ глаза отъ сцены, спряталъ лицо въ воротникъ шубы и усѣлся въ дальній уголъ ложи. Тогда сценическія иллюзіи перешли въ грезы. Оросманъ кажется ему то гордымъ мусульманиномъ подъ высокою чалмою, то «молодымъ человѣкомъ нашего времени, беззаботнымъ и задумчивымъ, съ неопредѣленнымъ выраженіемъ въ лицѣ, съ пламенною любовью и холоднымъ презрѣніемъ къ жизни» ¹⁾. «Еще страннѣе: мнѣ казалось, что я былъ въ толпѣ зрителей и вмѣстѣ дѣйствующимъ лицомъ на сценѣ» ²⁾. Отрадные видѣнія разсѣялъ чей-то грубый голосъ, говорившій: «Особы, не принадлежащія къ театру, не имѣютъ входа въ оной во время репетицій». Въ пустомъ театрѣ уже шла репетиція какого-то водевиля. Поэзію и красоту смѣнила пошлость.

Въ «Филологическомъ опытѣ» и «Петрѣ Пустынникѣ» выразилось лишь общее идеалистическое настроеніе Одоевскаго; мотивы въ сущности тѣ же, что въ восточныхъ апологахъ двадцатыхъ годовъ.

На томъ же рубежѣ можно поставить и произведенія съ сюжетами изъ итальянской жизни, образующими, такъ сказать, *итальянскій циклъ*.

Въ 20—30-хъ годахъ одно имя Италіи способно было навѣвать поэтическія мечты на романтически настроенныхъ людей. Италію воспѣвали, Италіей грезили всѣ тѣ, чья душа алкала эстетическихъ наслажденій (Всневитиновъ, Зин. Волконская, Гоголь, Кукольникъ, Шевыревъ и т. д.) ³⁾.

Еще въ періодъ любомудрія, въ атмосферѣ общаго философскаго идеализма родилась у Одоевскаго мысль воскресить образъ знаменитаго *Джордано Бруно*. Одоевскій едва ли не первый изъ русскихъ литераторовъ проявилъ серьезный интересъ къ этому мыслителю, вѣроятно, не безъ вліянія

¹⁾ Переплетъ 10, л. 19.

²⁾ Ibid., л. 19 об.

³⁾ Характерное выраженіе употребилъ И. В. Кирѣевскій въ письмѣ 1833 или 1834 года (Сочиненія. М. 1911 г. Т. II, 227), говоря о себѣ, что онъ „строилъ себѣ на воздухѣ разнаго рода Италіи“. Печеринъ въ 1833 г. писалъ трагедію „Вольдемаръ“, дѣйствіе которой происходитъ въ Италіи въ XV в. (М. Гершензонъ. Жизнь В. С. Печерина. М. 1910 г. Стр. 64—71).

діалога Шеллинга ¹⁾. Онъ говорить о Бруно нѣсколько разъ, начиная съ «Мнемозины» ²⁾, и приписываетъ ему огромное значеніе въ исторіи философіи, а XVI столѣтіе вообще считаетъ отправнымъ пунктомъ всей общеевропейской жизни. «Семена, брошенныя имъ, не намъ ли принадлежитъ *возращать?*» спрашивалъ онъ (см. выше на 161 стр.). Философъ и поэтъ, ученый и мистикъ, наконецъ, мученикъ идеи, Дж. Бруно не могъ не плѣнить воображенія и мысли Одоевскаго. И вотъ въ 1825 г., раньше, чѣмъ появилось собраніе сочиненій Дж. Бруно ³⁾, Одоевскій задумалъ историческій романъ «*Иорданъ Бруно и Петръ Аретино*». Чуть не десять лѣтъ дѣлалъ онъ эту мысль, но произведеніе такъ и осталось незаконченнымъ ⁴⁾.

1) Bruno oder über das göttliche und natürliche Prinzip der Dinge (1802; 2-ое изданіе—Berlin, 1842 г.). Ср. у Куно Фишера „Шеллингъ“, 637—655. Русскій переводъ діалога Шеллинга вышелъ въ 1908 г., съ предисловіемъ проф. П. П. Новгородцева.

2) См. выше на стр. 142 и прим. 1-ое, 503. Въ 1833 г. Пв. Кронебергъ въ своихъ „Брошюркахъ“ издалъ отрывки изъ трактата Бруно „Della causa, principio et fine“ (Харьковъ). Въ сороковыхъ годахъ Джордано Бруно нашелъ себѣ блестящую оцѣнку въ „Письмахъ объ изученіи природы“ Герцена (1844—1845 гг.). Была статья о философіи Бруно также въ „Сынѣ Отечества“ 1847 г. Въ 1871 г. появилась работа Александра Н. Веселовскаго (Собраніе его сочиненій, т. IV, вып. I. Спб., 1909). Въ 1885 г., по случаю открытія въ Римѣ памятника Джордано Бруно, Россія приняла живое участіе въ чествованіи его памяти. Назовемъ слѣдующія работы русскихъ ученыхъ: 1) Алексѣя Н. Веселовскаго „Джордано Бруно“ (Этюды и характеристики. Изд. 4-ое. М. 1912 г.). 2) Н. П. Стороженка „Джордано Бруно, какъ поэтъ, сатирикъ и драматургъ“ (Сборникъ „Изъ области литературы“. М. 1902 г.). 3) Джордано Бруно. Дѣя публичныя лекціи Н. В. Лучицкаго и А. А. Ковлова. Кіевъ. 1885 г. 4) Н. Я. Грота: а) Дж. Бруно и пантеизмъ (Одесса. 1885); б) Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно (Одесса. 1885). Дальнѣйшая литература указана въ русскомъ переводѣ В. Виндельбанда (II, 386—7). Есть у насъ и историческая повесть изъ жизни Дж. Бруно — „Свѣточъ Кампо ди Фіори“ Ал. Алтаева (М. 1906 г.). Статью о Бруно находимъ теперь даже въ хрестоматіи Н. В. Гудупова и П. М. Шестакова „Новая школа“.

3) Opere di Giordano Bruno Nolano, ora per la prima volta raccolte e pubblicate da Adolfo Wagner. Leipzig. 1830, 2 vv.

4) Черновые автографы романа находятся главнымъ образомъ въ *переплетѣ* № 1, л. 179—235, подъ заглавіемъ: „*Иорданъ Бруно и Петръ Аретино*. Романъ въ нравахъ XVI-го столѣтія“. На л. 179 написанъ и потомъ зачеркнутъ подзаголовокъ: „Старинная легенда“. (Ср. подъ тѣмъ же заглавіемъ отрывки въ переплетѣ 7 и 9). Тутъ же и точная дата: „Пл. нач. въ 1825-мъ году“.

Но сохранившимся отрывкамъ трудно судить о достоинствѣ будущаго романа. Даже личность Бруно не выступаетъ передъ нами съ достаточной ясностью. Но характеръ сюжета вполне опредѣлился. Личность папы Льва X, атмосфера окружавшей его церковной и умственной жизни, Микель Анжело и Рафаэль, Лютеръ и связанное съ его именемъ религіозное движеніе, Дж. Бруно, этотъ мученикъ новой науки—вотъ что должно было составить содержаніе романа. Центральное мѣсто предполагалось отвести, конечно, Дж. Бруно.

Италія, лучезарная и изящная, тревожила «прекрасныя мечты» Одоевскаго еще въ дѣтствѣ. Какимъ искреннимъ пафосомъ дышать «Итальянскія сцены» Одоевскаго, очевидно, предназна-

Исп. нач. 1827-го года Мая 11-го^а. Рядъ отрывковъ романа—въ *переплетъ 20*: л. 34—37 (подъ заглавіемъ: „Итальянскіе сцены“), л. 62 (стихи Льва X), л. 75 об.—76 (діалогъ между Аретино и Бруно о людскомъ мнѣніи); въ *переплетъ 54*, л. 12 (карандашомъ; слово Бруно о пролитіи крови); въ *переплетъ 20*, л. 23 и об. (подъ заглавіемъ: „Сцена Джіордано Бруно съ привидѣніемъ въ Амонеатрѣ“) — все въ автографахъ. Въ *переплетѣ № 1*, на л. 186 об., читаемъ: „Предисловіе. Je puis bien t'avouer, lecteur oisif, que quoique cette histoire m'ait coûté quelque peine à composer, cette préface que tu lis m'en a coûté encore davantage. Сervantесь“. Этими словами Одоевскій воспользуется для предисловія къ предполагавшемуся второму изданію сочиненій (въ 1862 г.).—Заинтересованные этимъ романомъ, друзья Одоевскаго въ 1829—1830 гг. предлагаютъ ему свои услуги по собиранію необходимыхъ матеріаловъ. С. А. Соболевскій изъ Флоренціи отъ 16/4 іюня 1829 г. между прочимъ писалъ Одоевскому (бумаги 1869 г.): „Не хочешь ли имѣть портретъ Аретина? здѣсь въ Palazzo Pitti есть современный, котораго копія en petit могу тебѣ прислать, если ты все продолжаешь свой Романъ. Есть тоже портретъ Льва X, писанный Рафаэломъ, и гравированный теперь лучшимъ граверомъ Jussi“. Точно также Шевыревъ изъ Рима 1 марта 1830 г. писалъ В. П. Титову (называя его „Любезный Космократь“ по его литературному псевдониму—Титъ Космократь) слѣдующее (бумаги 1869 г.): „Скажи Одоевскому, чтобъ онъ мнѣ прислалъ имена подробныя историческихъ лицъ его романа съ годами ихъ рожденія и смерти—и прислалъ бы по первой почтѣ. Я вездѣ вышарю и доставлю ему много свѣденій. Надѣюсь, что онъ прочелъ Джіоржіо Вазари: это источникъ драгоценный. Въ Муратори также надо рыться. Знаешь ли онъ, что комната, гдѣ находится знаменитый пожаръ Рафаэля, описанный Дюпати, былъ кабинетъ Юлія II и что до сихъ поръ еще остались гвозди, свидѣтельствующія, что Папа на нихъ что-нибудь вѣшалъ? Во всѣхъ этихъ комнатахъ Рафаэлевыхъ, столько прославленныхъ, прежде жилъ Папа и Юлія II и Леонъ X.—Портреты сихъ обонхъ Папъ писаны Рафаэлемъ. Въ Миланѣ вышла подробная жизнь Рафаэля, но я еще не читалъ ея.—Въ жизни Микель Анжело, написанной Вазари, его другомъ, пропасть сценъ интересныхъ для Романа. Я даже

чавшіяся въ качествѣ введенія къ роману «Горданъ Бруно» ¹⁾. «Однажды въ духѣ я былъ перенесенъ въ страну мнѣ незнакомую—другіе люди—другой языкъ», начинается авторъ свои «Итальянскія сцены»: «грудь, сжатая холодомъ, дышетъ свободнѣе—на меня дождятъ лучи вешняго солнца—глаза, замученныя снѣговой бѣлизною, отдыхаютъ на лазурномъ сводѣ—вотъ мелькнула предъ мною повергнутая колонна—вотъ другая—я видѣлъ ихъ когда-то. Но вотъ Амѳитеатръ—гора Авентинская... не ты ли ето прескрасная мечта моего дѣтства—не ты ли изъ пыли книгъ, изъ мертвыхъ стихій языка, убитаго школою,—возставала предо мною живая, великая, полная древнихъ

хотѣлъ нѣкоторыя драматически представить. Мысль Микель Анжело поставить Пантеонъ куполомъ на храмъ Петра ось чуждая вещь хоть бы для трагедіи. Интересно бы было упомянуть въ это время и о бѣдственномъ состояніи нѣкоторыхъ памятниковъ древности. Коллизей ломали на строеніе дворцовъ. Онъ служилъ пужникомъ Риму, куда бросали всякую мертвечину и нечистоту. При Павлѣ III въ 1540 году изъ камней Коллизея построены дворецъ Фарнезе, теперь принадлежащій по наслѣдству двору Неаполитанскому. Посему-то въ Неаполь перевезены быкъ Фарнезской и Геркулесъ, который открытъ при Микель-Анжелѣ.—Есть ли у васъ тамъ виды Петра, Ватикана, ложъ Рафаэля?—Я бы все это могъ переслать». Далѣе разсказывается о «швейцарахъ» при дворѣ папы, введенныхъ Юліемъ II. «Когда Одоевскій перешлетъ мнѣ требуемое мною,—я удвою подробности и по рѣзку Навонна, наберу ему разнаго старья, годнаго въ его романъ».—Одоевскій добросовѣстно изучалъ первоисточники и историческіе матеріалы: но многихъ мѣстахъ его романа сдѣланы точныя ссылки на книги, которыми онъ пользовался.—Въ письмѣ отъ 17 мая 1833 г. И. В. Кирѣевскій предлагаетъ Одоевскому познакомить съ романомъ „Бруно“ супруговъ Св—ыхъ (т.-е. Свербеевыхъ). Изъ письма видно, что самъ Кирѣевскій придавалъ роману Одоевского большое значеніе. Письмо находится въ автографахъ И. П. Б. Такимъ образомъ еще въ срединѣ 1833 г. Одоевскій работаетъ надъ романомъ. Мало того, Ю. П. Бартеповъ 11-го февраля 1844 г. все еще спрашивается у Одоевского о судьбѣ его „Итальянскаго романа“: „Кажется, тамъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ философъ Итальянскій, Бруно; что-то онъ теперь, чѣмъ закончилъ?“ (переплетъ 97, письмо Ю. П. Бартепова; см. приложение).—Въ рукописяхъ Одоевского мы имѣемъ лишь программы, наброски и разрозненныя главы. На л. 184—5 переплета 1-го читаемъ неотдѣланный планъ 14 главъ, а на оборотѣ л. 185—другой набросокъ плана (см. приложение). Последний, повидимому, и былъ окончательно принятъ авторомъ. По крайней мѣрѣ, ему соответствуютъ три главы, относящіяся къ началу романа (л. 186—202). По первому плану предполагалось закончить романъ описаніемъ казни Дж. Бруно. Отрывокъ такого содержанія мы и находимъ на л. 217—221 (см. приложение). Прочіе отрывки представляютъ необработанные наброски разныхъ мѣстъ романа.

¹⁾ Переплетъ 20, л. 34—37, автографъ. См. приложение.

думъ и древнихъ звуковъ—за мной! за мной! бросьте нечистую прозу вашей нечистой жизни—за мной, за мной—

Туда, гдѣ нѣгой дышетъ лѣсъ,
Гдѣ золотой лимонъ горитъ во мглѣ древесъ“.

Мысленно ищетъ авторъ «великолѣпное жилище Микель-Анджело», которое такъ «манило» его въ дѣтствѣ и заставляло душу млѣть и трепетать въ неясномъ снѣ. Онъ боится, не разрушили ли новые варвары этотъ «Божій храмъ, созданный полу-Богомъ», не построили ли они на этомъ мѣстѣ предильную фабрику. Въ воображеніи встаютъ люди и жизнь XVI в., и авторъ снова приглашаетъ читателей «бросить нечистую прозу нечистой жизни», всѣ «щеты и ращеты», всѣ «текущія дѣла и стоящія мысли» и—перенестись въ Ватиканъ. Здѣсь «нѣчто чудное совершается въ мірѣ». Пана разсматриваетъ недавно отысканныя творенія Цицерона (ранѣе—Тацита), отъ времени до времени сквозь растворенное окно кидая взоръ на строящійся храмъ Петра Апостола, а секретарь вялымъ и немножко гнусавымъ голосомъ докладываетъ ему о врагѣ папы—Лютерѣ. Какая эпоха!

Кромѣ Лютера жилъ тогда и Джордано Бруно. Бруно мучительно ищетъ истины и за свои убѣжденія готовъ претерпѣть всякаго рода лишенія; порою онъ и самъ не понимаетъ своего душевнаго состоянія ¹⁾. Бруно не можетъ слѣпо подчиняться авторитету людскаго мнѣнія ²⁾. Самымъ рѣшительнымъ образомъ порываетъ онъ съ церковной догмой и старой наукой. Онъ вступаетъ въ горячіе диспуты съ тогдашними богословами и учеными (напр., съ Бональди, Ваннини) и категорически отвергаетъ ихъ мертвую схоластику (въ родѣ разсужденій о томъ, «можетъ ли Богъ сдѣлать, чтобы 2 и 2 было пять, а не четыре» ³⁾). Изъ программы мы узнаемъ, во-1-хъ, что Бруно доказываетъ Помпонацію идею безсмертія души, во-2-хъ, беретъ сторону Лютера. Однажды Бруно напомнилъ своимъ собесѣдникамъ о нравственной отвѣтственности передъ людьми за пролитую кровь. «Что? если намъ явятся окровавленные тѣни и потребуютъ отчета въ нашихъ поступкахъ», сказалъ Бруно: «имъ неизвѣстны наши богословскіе диспуты, наши

¹⁾ Переплетъ 1, л. 208—211.

²⁾ Переплетъ 20, л. 75 об.—76 (диалогъ между Аретино и Бруно).

³⁾ Переплетъ 1, л. 201 об.—202 об., л. 205 и об.

политическіе развѣсы, наши такъ называемыя пользы Италіи, они знаютъ одно — они понимаютъ одно: пролитую кровь человѣка» ¹⁾).

Бруно вѣрить въ окончательное торжество защищаемой истины, хотя послѣ одного спора со своими противниками и признается: «Я бы не въ силахъ былъ доказать имъ то, что считаю первой истиной въ свѣтѣ — со можетъ лишь подтвердить весь родъ человѣческій, и сто будетъ — но до етаго ни я ни враги мои не доживутъ» ²⁾).

Ранній представитель новой науки еще не свободенъ отъ мистики. Такъ, Бруно развиваетъ передъ Аретино ученіе о томъ, что каждая стихія (земля, вода, воздухъ) управляется особымъ духомъ, «котораго единственная цѣль — размножить существованія. Но есть четвертая стихія — огонь — который существуетъ для того только, чтобъ уничтожать все существующее. Было время, когда духъ огня такъ усилился, что достигнулъ своей цѣли» ³⁾. Выѣстъ съ какимъ-то «незнакомцемъ» Бруно въ Амфитеатрѣ вызываетъ духа и вступаетъ съ нимъ въ бесѣду о назначеніи человѣка, понимая это назначеніе согласно обычнымъ воззрѣніямъ мистиковъ. Человѣкъ, по Бруно, сильнѣе падшихъ духовъ и предназначенъ къ великой миссіи. «Умолкни!» говоритъ Бруно «безсмертному существу» ⁴⁾: «одинъ человѣкъ, который пятами попираетъ землю, а духомъ возносится выше звѣздъ, можетъ понять то, чего ты никогда не узнаешь, ты, существо неполное. Умолкни — вызванный силою человѣка! — ты ничему научить его не можешь, ибо онъ знаетъ то, что ты не знаешь, ибо въ немъ связь между тобою и другою, болѣе грубою, но столь же живою силою человѣка. Ты слабѣе человѣка, ибо ты упалъ ниже его, и не имѣешь силы приподняться».

Противъ словъ «ты, существо неполное» Одоевскимъ на поляхъ сдѣлано замѣчаніе: «*L'homme de désir*», т.-е. сдѣлана ссылка на извѣстное сочиненіе *С. Мартена* ⁵⁾).

¹⁾ Переплетъ 54, л. 12. См. приложение.

²⁾ Переплетъ 1, л. 182.

³⁾ Переплетъ 1, л. 232 (разсужденіе Бруно не окончено).

⁴⁾ Переплетъ 20, л. 23. об. См. приложение.

⁵⁾ Въ первой программѣ романа въ двухъ мѣстахъ (въ главѣ 7-ой и 10-й) и въ пунктѣ 7-мъ второго плана говорится о близости Дж. Бруно къ Рай-

Бруно окруженъ чуждой ему средой: его не понимаютъ ни жена, ни Аретино (оказавшійся продажнымъ поэтомъ и вообще человѣкомъ съ весьма упрощеннымъ взглядомъ на жизнь¹⁾), ни кардиналы, ни папа. Дѣло кончается тѣмъ, что его сочиненія сжигаютъ, его самого сажаютъ въ тюрьму и, наконецъ, также сжигаютъ на кострѣ²⁾. Въ тюрьмѣ ближайшіе родственники Бруно стараются убѣдить его отказаться отъ своихъ мнѣній, но онъ непоколебимъ. Казнь совершилась, сопровождаемая чудесными явленіями: въ облакахъ дыма, который поднимался отъ костра, видѣли женщину въ бѣломъ платьѣ, а затѣмъ какой-то молодой человѣкъ, пробравшись сквозь толпу, выхватилъ одну изъ книгъ Бруно, отданныхъ въ жертву пламени, и съ быстротою молніи пустился бѣжать; никто не могъ догнать его. Дня черезъ два послѣ казни два старика съ молодою женщиною собирали хладный пепелъ Бруно и плакали. «Что вы плачете надъ Еретикомъ?»—сказалъ кто-то изъ проходящихъ. «Если бы ты зналъ его—ты бы не сказалъ сто—онъ былъ истинно добрый человѣкъ—хорошій мужъ». «Почтительный сынъ!»—прибавилъ Ліаріо (въ другихъ мѣстахъ — Ріаріо). Боробалло жалѣлъ, что Бруно не произвелъ ничего, чѣмъ бы могъ увѣковѣчить свое имя; онъ готовъ даже великодушно принять Бруно половину своихъ сочиненій, чтобы спасти его отъ окончательнаго забвенія, «да къ нещастію—никто не повѣритъ, чтобы онъ былъ въ состояніи произвести что-нибудь подобное».

Такъ судили о Дж. Бруно современники, люди толпы. Чтобы показать, насколько они ошибались въ своей оцѣнкѣ Бруно, Одоевскій намѣревался написать «*Апотеозисъ Бруно*», въ ко-

монду Лулію и его дочери Лициліи (въ другомъ мѣстѣ—Луциліи). Во второмъ планѣ читаемъ еще слѣдующія любопытныя строки (л. 185 об., пунктъ 7-й): „она (т.-е. Луцилія) спрашиваетъ Бруно, вѣритъ ли онъ существованію Духовъ: Ефироиды—; сестра Луциліи—Кардіада“. Что Бруно вѣритъ въ существованіе духовъ, мы уже знаемъ. Важно отмѣтить имена духовъ—*Ефироиды* и *Кардіады*. Это—тѣ самые духи, о которыхъ Одоевскій говоритъ въ особомъ произведеніи, рассматриваемомъ нами ниже.

¹⁾ Переплетъ 1, л. 206 и об., л. 203—206. Аретино упоминается въ драмѣ П. В. Кукольника „Джуліо Мости“ (1832—1833). Въ примѣчаніи авторъ даетъ рѣзко отрицательную характеристику этого поэта. Сочиненія Нестора Кукольника. Спб. 1851. Т. I. Стр. 409, 560—563.—О Піетро Аретино см., напр., въ „Исторіи итальянской литературы“ Ад. Гаспаря, т. II, 412—434.

²⁾ Переплетъ 1, л. 203 и сл., 217—221 (см. приложение).

торомъ хотѣлъ показать связь Бруно съ его идейными пресмнниками ¹⁾.

Въ несомнѣнной, не только территоріальной, но и внутренней связи съ романомъ «Горданъ Бруно» стоитъ повѣсть о Виченціо и Цециліи, отрывки которой находимъ среди набросковъ романа (переплетъ № 1, л. 231). Эту повѣсть можно считать совершенно особымъ произведеніемъ. Озаглавимъ ее «*Цецилія*» ²⁾.

Вѣроятно, и это произведение было задумано въ началѣ 30-хъ годовъ: на немъ еще лежатъ свѣжія краски эстетизма двадцатыхъ годовъ. По первоначальному своему замыслу, «*Цецилія*» — апофеозъ искусства. Героя можно охарактеризовать буквальноными словами Ваккенродера-Тика: это—монахъ, отшельникъ, любитель искусства ³⁾. Да и вся повѣсть напрашивается на сравненіе съ романомъ Тика: «*Franz Sternbald's Wanderungen, eine altdeutsche Geschichte*».

Эпиграфъ къ «*Цециліи*» взятъ изъ «Вертера» Гете: «Удивительно! какъ я понималъ каждый шагъ свой и зашелъ такъ далеко! какъ ясно видѣлъ свое положеніе, а дѣйствовалъ, какъ

¹⁾ Вотъ его планъ въ переплетѣ 1, л. 222: „Фабрицій (потомъ зачоркнуто). Фрегеріи. — Сиппоза } Окончаніе Философскаго диспута. Декартъ } Молодой.
Малебраншъ. Гель. Нѣмецкій Профессоръ—въ 19-мъ столѣтіи. Рускій Журна- } При концѣ жизни.
листъ. 1929-й годъ“. Первоначально было: „1829-й годъ“; это, разумѣется, въ свою очередь можетъ служить одной изъ хронологическихъ датъ произведенія.

²⁾ Отъ „*Цециліи*“ сохранились три большія главы: одна, начатая въ череплетѣ 13, л. 53—54 об. + 126—129 (порядокъ листовъ здѣсь долженъ быть такой: л. 127—129, 126) и въ переплетѣ 1, л. 231 и об., все въ автографахъ; „Глава 2-я“—въ переплетѣ 80, л. 519—525, автографъ; „Глава 4-я. Характеръ“—*ibid.*, л. 526—532.—Кромѣ того, въ переплетѣ 9, л. 409, автографъ, находимъ небольшой отрывокъ подъ заглавіемъ: „*Старинная Легенда*“. Это, очевидно, начало той же повѣсти въ первомъ ея наброскѣ. Заглавіе „Старинная Легенда“ Одоевскій давалъ и другимъ своимъ произведеніямъ. Такъ, повидимому, хотѣлъ онъ назвать и повѣсть о Цециліи. См. приложение.

³⁾ Иосифъ Берглингеръ сочиняетъ молитвенный гимнъ въ честь св. Цециліи, покровительницы музыки (Объ искусствѣ и художникахъ. Размышленія отшельника, любителя изнѣцпаго, изданныя Л. Тикомъ. М. 1826. Стр. 225—227). Образъ Цециліи рисуетъ Рафаэль (*ib.*, 17). Карло-Дольчева Цецилія вдохновляетъ Владимира, героя „Кати“ (1834), о чемъ ниже. Въ „Р. Почахъ“ (I, 112—114), для выраженія „религіознаго чувства“, приводится отрывокъ изъ „*Цециліи*“ съ эпиграфомъ изъ стихотворенія Шеныврена „Пѣснь къ Цециліи, покровительницѣ гармоніи“.